

Ганна Шевченко
Обитатель
перекрёстка

Ганна Шевченко

Обитатель перекрёстка

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Шевченко
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
ШЗ7

Дизайн серии: Сергей Труханов

Г. Шевченко
ШЗ7 Обитатель перекрёстка. — М.: Воймега, 2015. — 52 с.

ISBN 978-5-7640-0175-3

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© Г. Шевченко, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

* * *

В других мирах, в галактике, в глуши
выходишь из подъезда — ни души,
туманный воздух чёрен и стеклянен,
весь этот космос странный городской
из любопытства трогая рукой,
идёшь во тьму, как инопланетянин.

Горят огни, как яблоки, точь-в-точь,
но там, за ночью, снова будет ночь.
За ограждением старого базара
струятся птицы в дерево-кувшин,
а фары проезжающих машин
вдали непостижимей, чем квазары.

Моя земля всё так же не видна,
приём, приём, услышьте, я одна,
иду за светом в тёмную долину.
На шее шарф, тяжёлый, как броня,
чтоб чёрный ад, съедающий меня,
случайно сердцевину не покинул.

* * *

Отползает в сторону куда-то
день, тягучий, словно пастила,
в огороде брошена лопата
и другие важные дела.

Завтра будет ветреной и суше,
а сейчас в закатном серебре
медленно плывут святые груши,
нимбами красуясь при дворе.

Травы за сараями примяты
оттого, что встретили пчелу
дикие ушастые котятка
в мусоре, оставленном в углу.

И теперь не то что подорожник,
чистотел лежит как заводной,
и идти поэтому несложно
к крану за поливочной водой.

Хорошо здесь. Солнце, как пружина,
стягивает свет за тополя,
и встаёт над точкою зажима
мертвенная лунная петля.

* * *

На окне засыхает фиалка,
на плите выкипает вода,
чайных чашек невытая свалка,
полотенца в четыре ряда.

Льётся день, колыхаясь, сквозь шторы,
а чуть наискось, сквозь провода,
виден дворик жилищной конторы,
и старуха заходит туда.

Прохудилась на форточке сетка,
под карнизом осунулся крюк...
Почему ты не слушаешь, детка,
я о Боге с тобой говорю.

* * *

Ты говоришь мне: страхи.

Я говорю: не те.

Ночь — это личный опыт зрения в темноте,
выучка, дрессировка, внутренних сил обкат,
дело привычки, способ
двигаться наугад.

Ты говоришь мне: мама.

Я говорю: посметь.

Жизнь — это биопроба, важный эксперимент,
цех наш не очень дружен, холоден, грязноват,
вырастить сердце нужно, в рёбра упаковать.

Ты говоришь мне: ужас.

Я говорю: пустяк.

Если не получилось, что-то пошло не так,
не отключай конвейер, перегрузи прибор,
прыгай, дурачься, смейся, ёрничай, жми повтор.

* * *

Каменных джунглей шумливый ручей,
дно обезьянье —
там, в глубине, не бывает речей,
только молчанье.

Здесь, на поверхности, — ветер, блесна,
рябь да осока,
удочка-жизнь, как вода, не черна,
не одинока.

Хочешь — мети золотую пургу,
в хляби копайся,
хочешь — сиди на крутом берегу,
хочешь — купайся,

хочешь — забрасывай, хочешь — лови
рыбу на жалость,
в мудрых глазах не бывает любви —
только усталость.

* * *

Подойди ко мне, зверушка,
чёрно-белая кокетка,
почешу тебя за ушком,
угощу тебя конфеткой.
Пешеходная порода,
обитатель перекрёстка,
зебра, ангел перехода,
дай мне
        белую
                полоску.

* * *

У старшекласниц
короткие юбки —
выросли ноги
на пляжах за лето,
перед линейкой,
разбившись на группки,
ходят,
в ажурные блузы одеты.
Лица в загаре, позы жеманны,
долго не виделись,
встретились — рады,
в стайку собьются и будут, как мамы,
ножки отставив,
курить за оградой.
Губы в помаде горят,
как пионы,
серьги из лавки китайских товаров —
из-за ограды за ними шпионит
троечник
с красным принтом Че Гевары.
Мальчишки тоже
созрели за лето —
головы бреют,
под Тимати косят,
порнозаставки
на новых планшетах,
плееры,
виджеты,
гаджеты,
осень.

Молоко для девочек

1

Тане

День ушёл. Погасли лица.
Изнывает бытиё.
Дочь у зеркала кружится —
отражение моё.

Этот хлястик — безделушка,
не прислуживай тряпью,
выпьем, детка, где же кружка,
молока тебе налью.

Ни тоски, ни грёз, ни жажды.
Ночь на подступах. Отбой.
Всё закончится однажды,
не печалься, Бог с тобой.

2

Лизе

Лампа ночника.
Света колея.
Хочешь молока,
девочка моя?

Глиняный сосуд
низок и широк,
в молоке живут
кальций и белок.

Пей его, тянись,
тяжелей в кости,
небо — это высь,
есть куда расти.

Там, где

1

Там, где на склонах цветёт резеда,
где под травой луговая руда
скрыта в корнях зверобоя,
там, на вершине ночного бугра,
крутится-вертится обод копра,
кашляет горло забоя.

Я там жила. Я могла, как раба,
на калькуляторе фуги лабать
днями на радость главбуху.
А по ночам на балконе своём
я упивалась протяжным вытьём
сладкоголосого Ктулху.

Что это было, поди разбери,
я не ложилась да самой зари,
слух обостряя до боли.
Если идти по полночной траве,
если огни говорят в синеве,
значит, не кончится поле.

Там, где на склонах не счесть спорыша,
в тёмных утробах заброшенных шахт
чудище это ночует.
Я и сейчас его чую.

Там, где Любич впадает в Десну,
водомеркой истоптано небо,
белый аист берёт тишину
и несёт своим детям на пробу.
В низкой заводи ивы дрожат,
распустили печальные гривы —
покрывают собой лягушат,
чтобы аист прошествовал мимо.
У запруды речная возня
оттолкнула пугливую рыбу —
стаяка, стайка, не бойся меня,
я люблюсь песчаным обрывом.
Неподвижно на влажной траве,
умирая от солнечной ласки,
я стою — как другой человек,
неожиданный, витрувианский.

* * *

Цинерария утром озябла
в палисаднике возле куста,
лето цвета антоновских яблок
отбывает в другие места,

льёт дожди на сады и на кровли.
На деревья ловчей и ловчей
сеет ржавчину с запахом крови,
в чемоданы пакует грачей.

Так и я, нашумевшись, отбуду
в разнотравье озоновых сфер,
с лёгким звоном разбитой посуды,
с гиацинтом в руке, например.

* * *

Она является в квартире,
на обувь смотрит свысока,
в околопраздничном эфире
плывёт, касаясь потолка.

Теперь торжественным убором
заняться ей пришёл черёд —
она, как женщина за сорок,
из сейфа бусы достаёт.

Играет музыка. В истоме
стучат соседи молотком.
Ей хорошо. В уютном доме
сбежавшим пахнет молоком.

Вот ёлка — женщина за сорок —
стоит у тёмного окна,
о, как её полюбят скоро
за то, что светится она.

* * *

Некогда думать о платье,
купленном в стоковом центре,
пусть повисит в гардеробе,
в тёмном углу, под нависшей
полкой, заваленной хламом.
Пусть повисит, отвисится,
пусть шерстяные манжеты
молью съедаемы будут,
в тёмном трёхстворчатом склепе
пусть упокоится с миром
рядом с жакетом, под полкой,
хламом заваленной пыльным;
как это всё надоело —
платья, плащи, босоножки,
пусть превращаются в пепел,
пусть осыпаются прахом,
там, в гардеробе, под полкой,
вместе с жакетом из твида,
с картой дисконтной в кармане,
пусть они медленно тлеют,
пусть они катятся в пропасть,
некогда думать о платье.

* * *

где ночью ходили тени
где зеброй асфальт прошит
он падает без стеснений
туда где теперь лежит

спускается нагло
сгущается в первый слой
ложится стерильной ватой
на новый массив жилой

на внутренний двор больницы
на дно небольшого рва
на подиум в форме пиццы
где летом росла трава

в белеющем урожае
готический колорит
он город преображает
не ведая что творит

* * *

Исчезновение предмета
противно всякому нутру —
луна дарила волны света,
чтобы исчезнуть поутру.

Исчезнет свет, когда электрик
придёт и щёлкнет рычагом —
спокойно, дядя, я истерик,
я здесь хотела о другом.

Вы обходительный мужчина,
распространяющий тепло,
но по техническим причинам
со мною вам не повезло.

Несообразна, грубовата,
бесцеремонна, ну и пусть.
Я не нужна вам, но когда-то
земле и небу пригожусь.

* * *

Осенью поздней в вечернее время
чем заниматься, когда отключили
свет и теперь не работает ноут,
фен, телевизор и микроволновка,
люстры погасли и радио тоже,
стихло жужжанье стиральной машины,
что ещё делать, когда холодильник
тих, как дремота украинской ночи,
электрочайником не разогреешь
воду и чай с имбирём не заваришь,
что ещё делать в вечернее время
дома без света, одной, на диване,
рядом со столиком с вазой, где восемь
яблок прекрасных лежат краснобоких,
что ещё делать под тусклой свечою,
тонкой, церковной, немного согнутой,
купленной где и когда уж невесть,
что ещё делать? Яблоко есть.

* * *

Коснись, прохладный ветерок,
полуночного жженья,
о, этот сладостный урок
самоуничиженья.

Сдавала старые хвосты,
цитировала Лорку,
чтобы учитель пустоты
поставил мне пятёрку.

Съедает голову туман,
зудит подкожный зуммер,
но все проблемы от ума
решаются безумьем.

Вооружившись до зубов,
себя я доконаю —
за жизнь, за слёзы, за любовь,
за всё, чего не знаю.

Неси, покорное такси,
витийствуй, автострада,
не верь, не бойся, не проси,
не одевайся в Prada.

* * *

В настроении безмятежном, с чёрной сумкой наперевес,
я недавно ходила в горы и дотопала до небес.
Было ветрено, было зябко, снег посыпался, как труха,
там, за космосом, на вершине повстречала я пастуха.
Его стадо давно сбежало, ну а он, тишиной объят,
всё сидел на огромном камне, заблудившихся ждал ягнят.
Я к нему подошла, и стало в облаках и в глазах темно,
я из чёрной сумки достала хлеб, стаканчики и вино.
Мигом пластиковая посуда засияла в его руках,
мы сидели и долго пили, говорили о пустяках.
Всё допили, ещё хотели, оказалось, финансов нет,
у добравшихся до вершины вместо денег в карманах — свет,
и глаза у них — космонавты, и любовь у них — как у всех,
и носился над валунами, уподобившись эху, смех.

* * *

Зелёное небо лежит на церквях,
живот к куполам прижимая,
последние яблоки в голых ветвях
мерцают на согнутых сваях,
висит на верёвке, как будто распят,
пиджак одного человека,
а птицы-синицы по небу летят,
им небо — любая прореха.

Синицы, волшебные птицы мои,
летите ко мне, я скучаю,
без вас атмосферные эти слои
я домом пустым величаю.
Я встречу вас здесь, в интернетных лесах,
весёлая, как балалайка,
мы станем посланья друг другу писать,
друг друга лелеять и лайкать.

* * *

умирает природа зимой
дребезжит опостылевшей веткой
воздух тянется долгой тесьмой
между крыш и дворовой беседкой

запах сладостный до тошноты
умирание ветрениц белых
оказалось уже не цветы
те кого оборвать не успели

на воскресный обед принести
погадать лепестки обрывая
в погребальную ленту вплести
бросить с чувством на рельсы трамвая

и блуждают теперь сторожа
от забора до края фасада
чтоб цветы не боялись лежать
между дымом и прожитым садом

* * *

Вышли воздухом напиться —
город пасмурен и мглист,
лист кленовый так кружится,
словно он последний лист,
словно там, за облаками,
вспух разодранный озон,
будто били кулаками
космонавтов миллион
по кометам, по нептунам,
по плутонам, по землям,
по заряженным нейтронам,
по незащищённым нам.

Мы идём и видим блики
космонавтских кулаков,
сферу цвета голубики,
лужи цвета облаков.
Ходим-бродим, тунеядцы,
от проспекта до луны —
нам не нужно улыбаться,
мы печаями полны.
Мы подходим очень близко
гляднуть, не исчезла ли
с файла солнечного диска
запись неба и земли.

* * *

В старом шарфе из белого волокна
(выбросить жалко, очень к лицу расцветка)
вышла из дома утром, а там — луна,
слышала, так бывает, хотя и редко.
Двор наш, необустроенный, проходной,
сонно шуршал в рябиновом одеяле,
я посмотрела в грозы — а надо мной
небо такое, словно его роняли.
Воздух звенел, как брошенная зурна,
холод парил с балконов, не греет даже
старый мой шарф из белого волокна,
тесный хомут из натуральной пряжи.
В новом микрорайоне переполох —
дурень залез на крышу, бежал по краю,
смерти хотел наивный, печальный лох.
Всё бесполезно. Мёртвые не умирают.
Окна домов похожи на образа,
в них золотятся люстры, светлы и жутки.
Всё как обычно. Что ещё рассказать?
Дождь поливает стёкла вторые сутки.

* * *

антибиотик
показан и пропит
горло увязло в кленовом сиропе
чёрном
десертном
со вкусом древесным
боже кому это всё интересно
в комнате пыток
задёрнуты шторы
в космосе нет человека который
в космосе нет человека
и ладно
горек и сладок
кошмар шоколадный
в космосе нет и луны бледнолицей
ей захотелось
на землю свалиться
вот и бинтует
ушибы и шрамы
чертит бессвязные кардиограммы
падают луны
пенятся реки
преумножаются библиотеки
эти стишки
бесполезней чем эхо
к шторе подходишь
и смотришь в прореху
как поживает легко и нелепо
солнечный свет
между ляжками неба

* * *

В корневой системе вод,
где темно веками,
рыба-ветер к нам плывёт,
веет плавниками.

В глубине плывёт один,
чешуёю светит —
это новый господин,
это рыба-ветер.

Рыба, жабрами колышь —
пусть к утру родится
тело-лютик, дух-камыш
и душа-душица.

* * *

Нас запакуют однажды с тобой
в долгий бумажный конверт,
в землю отправят, и станем лежать,
глядя в нескучную твердь.

Глядя в поддоны пшеничных полей,
глядя в ночной чернозём,
но покачнётся однажды земля,
и поплывём, поплывём.

Сети забросим, себя окрестив,
Господи, скажем, спаси.
Что у тебя? У меня караси.
И у меня караси.

* * *

я над землёю
на самом высоком
живу на каком-то

самом последнем
выше лишь балки
чердачных подпорок

пусть маломерка
пускай без балкона
но всё-таки небо

тёмное-тёмное
ночью такое
что хочется плакать

хочется думать
о чём-то простом
о траве и о детях

что ещё делать
когда проживаешь
на самом последнем

* * *

Мы шатаемся возле села,
воздух зол от собачьей брехни,
наша мама на смену пошла,
до рассвета мы будем одни.

Тёмен неба магический круг,
ковылей непрогляден атлас,
пламенеет от маминых рук
террикона единственный глаз.

Эта ночь холодна и свежа —
за калитками сонных дворов
над колодцами звёзды жужжат
и сосут родниковую кровь.

Мы шатаемся по пустырю,
но, пока мы слились с бузиной,
зажигает над шахтой зарю
наша мама — электрик ночной.

* * *

Запределен четвёртый этаж,
беден в окнах подольский пейзаж,
чёрен город в белёсом тумане,

выйдешь в утренний шум налегке —
шевельнётся синица в руке,
воробей затрепещет в кармане.

Эти птицы прибились ко мне,
поселились в моей тишине,
я зерном их кормила, жалея.

Я им матью доброй была,
но зачем мне четыре крыла,
если воздух земли тяжелее.

Не нужны мне ни свет, ни заря,
ни рябина среди пустыря —
я все тяжести безднам вернула.

Ни воды, ни земли, ни огня,
лишь две птицы и их трескотня
на каштане замёрзшем, сутулом.

* * *

Мужья навьючены коробками, у женщин руки в маникюре, в тележках звякает шампанское и запах выпечки несётся — сегодня в нашем супермаркете предновогодние закупки.

Кассир четвёртой категории Марина Юрьевна Верёвкина повелевает терминалом, товар по ленте продвигает — её изгибы, повороты доведены до совершенства.

Она работает по графику в предновогодний понедельник. Марина тоже нарядилась бы, но ей дресс-код не позволяет — кривая кепка нахлобучена на пергидрольные кудряшки.

Она ещё способна нравиться мужчинам сумрачного возраста, ей сорок пять, она не старая, вот только сильно располнела, — она работает по графику в предновогодний понедельник.

Марина рада, что так выпало. Ей некому салаты резать, ей не для кого быть красивой, ей нечего искать под ёлкой, она сидит и грудь покатую в жилетку клетчатую кутает.

* * *

подоконники пахнут дождём
так давай же мы их оботрём
заберёмся колени обнимем

аня аня сиди у окна
где-то там прозябает луна
за дождём вечеряющим синим

на ветру зашумела светясь
тополей отсыревшая бязь
ветка дышит в неясные стёкла

в подворотню вползает седан
аня аня смотри океан
гаражи до сцеплений промокли

и внезапно покажется нам
в тёмной луже навстречу волнам
этикетка плывёт по-собачьи

вот и всё я скажу вот и всё
мир от засухи снова спасён
дождь окончен конец передачи

* * *

Мертвецам не страшна непогода,
между плит они ходят толпой,
озираются, ищут чего-то
на траве прошлогодней, скупой.

И один, благородный и тонкий
(подлецов среди них не найти),
неживой от усов до печёнки,
бледнолицый, прозрачный почти,

молчаливый, холодный, унылый,
на могиле является вдруг,
чтоб букет увядающих лилий
исцелить наложением рук.

* * *

Существований первый признак —
воздушных форм фотоальбом.
Второй — являющийся призрак
в халате бело-голубом.

Случайных фактов картотека,
предметов уличный излом:
соседний дом, базар, аптека,
скамейка в сквере за углом.

А дальше пропасть, дальше пропасть:
огонь, вода, случайный всплеск,
крыла взлетающего лопасть,
хвоста чешуйчатого блеск.

Срок проявления недолог,
изношен пятый элемент,
внезапно бог-нейробиолог
закончит свой эксперимент.

* * *

Я помню, какой некрасивой была
и как отражалась в воде,
теперь я представила, что умерла
и нет меня больше нигде.

Идут поезда по своим колеям,
жуют пассажиры иргу,
а я распласталась в какой-то из ям
и больше ходить не могу.

Прямая, негодная, просто лежу,
ни выбросить, ни оживить,
а к Богу в приёмную я не спешу,
мне нечем его удивить.

* * *

Как день неподвижен, как воздух летуч,
окно живописнее фрески,
окрашено небо подборкою туч,
но тянутся вниз занавески.

Погодам положено злить и наглеть,
валяться под общим наркозом,
уже к тротуарам опавшая медь
прикована первым морозом.

Два стула, комод, телевизор, кровать,
гибискус, растущий наклонно, —
мне в комнате этой дано проживать
негромко и уединённо.

В окне проплывают небес лоскуты,
синица скользит по карнизу,
так хочется лёгкости и чистоты,
но небо испачкано снизу.

* * *

Склеили из плоти и духа,
а потом ушли, обманули.
Если пуля свищет над ухом,
уклоняйся, детка, от пули.

Выглянешь на улицу — ветер
гонит на убой самолёты,
направляйся, детка, на север,
к леммингам, песцам и койотам.

Угол наклона оси
изменился. Тронулась суша.
А медведей, детка, не бойся,
человек страшнее и хуже.

Наши шкуры — верх дешевизны,
удаляйся, жми на педали,
этот мир опасен для жизни,
но другого не предлагали.

* * *

Ползёт сентябрь дымком из-за угла,
кудрявится, к подъездам подступая,
какая бы ты, осень, ни была,
любая
мне будешь нравиться. В промокшем городке,
облепленном заводами и глиной,
я проживу с тобой на поводке
недлинном,
и будет грязь, и будут холода,
и будет птиц звенящее кочевье,
и будет шум под куполом зонта
и сон деревьев.
И если суждено перетерпеть
всю эту скорбь промокшего декора,
то будут снова сумерки гореть
и будет жизнь когда-нибудь,
не скоро.

* * *

Когда весенними губами
цветы целует небосвод,
я в ласке этих полигамий
предвижу новый кислород.

Предвижу пчёл членистоногих,
жужжащий воздух над рекой,
репейник шумный вдоль дороги
и вербу с гибкою тоской.

Предвижу Чехова с собакой,
Толстого у резной двери,
чернильный привкус Пастернака,
Бальмонта с бабочкой внутри.

* * *

...она всю жизнь готова мучиться...

Александр Еременко

Высокомерная, спесивая,
незавершённая на вид,
выходит женщина красивая
и о погоде говорит.

Летят потоки, сферы плавятся,
восходят линии в кругах —
ей дождь и слякоть представляются
на евразийских берегах.

Она глядит на поля ягоду
через пространственный проём
и нарисованную тяготу
колышет в черепе своём.

Идёт походкою лунатика
и рассуждает о воде,
как будто нет другой тематики,
как будто засуха везде.

* * *

скушав скучного пилота
голубого неба средь
птице птице самолёту
нужно как-то долететь

над чугуевским районом
над дорогой Е-105
задевая лонжероном
солнца шёлковую прядь

как античный воевода
шлейф пушистый волочит
над хорошенькой погодой
продуцирует лучи

здравствуй вакуум эфирный
задыхаясь говорит
я эйнштейн твой сувенирный
я гагарина гибрид

на высотном километре
зажигательно поёт
одуревшая от ветра
птица птица самолёт

слава горкам аэробным
слава умершей петле
слава летчикам съедобным
слава миру на земле

* * *

Кисейный воздух пахнет дымом,
неолитичен сельский двор —
любитель паники Кудимов
ведёт о ведьмах разговор.
О том, как сделалась туманом
гнедая тройка лошадей,
о том, как табельщица Анна
иголки прятала в людей.
Как небо Боровска гремело,
когда чертовка шла вразнос,
о том, как Аннушка умела
из хлеба делать купорос.
И, поднимаясь над буграми,
над тихой зеленью травы,
мы, оказавшись комарами,
достали жала для любви.
И загудели над Россией,
как взвод летательных турбин.
О, мама мия, мама мия,
о, нереальная, их бин!

* * *

Кружит водомерка-недотрога,
разгоняя стикеры в пруду,
между плит натянута дорога,
и, возможно, я по ней иду,
или же не я, а кто-то очень
на меня похожий, городской,
на своей ходьбе сосредоточен,
медленно ворочает рукой
или же кому-то помогает,
жестом указательным проход
к зданию покажет и шагает
дальше, или всё наоборот,
или это я прообраз дуры
создаю, взлетая со скамьи,
от моей комической фигуры
заживо хохочут соловьи
и деревья сбрасывают космы,
без листвы мелея и скорбя, —
я не знаю, кто летает в космос,
я в ответе только за себя.

* * *

Я эту ткань не выбирала,
меня к ней женщина пришила,
она полдня меня рожала,
затем в коляску положила.

Ах, мама, мамочка родная,
твои лекала неказисты,
мне ткань досталась набивная,
но напортачили стилисты.

Я вещь полезная для дома,
я мою окна и посуду,
я с миром моды не знакома
и никогда уже не буду.

Ведь жизнь летит, и очень скоро
я стану бабушкой корявой,
меня, как выцветшую штору,
в комод на тряпочки отправят.

* * *

Весом, энергичен, беззвучен,
привычен, но всё же другой,
подарочной лентой окручен,
обёрнут прозрачной фольгой,
он падает, и отвернувшись
стоишь, опасаясь смотреть,
как он, подоконник минувши,
собой заполняет на треть
жилплощадь косыми лучами.
Стоишь и боишься, когда
поднимется клён за плечами,
и в вазе воскреснет вода,
и несколько птиц без опоры
зависнут в холодной листве,
когда раздвигаются шторы
и в комнату падает свет.
Стоишь, как во время болезни,
наполненный жаром на треть,
боишься, что это исчезнет
и не на что будет смотреть.

* * *

Раздеты рощицы и скверы,
включает ветер свой гудок,
дожди, покинувшие сферу,
перемывают городок.

Листвы болезненные пятна
на распутившихся зонтах,
и диск, проигранный стократно,
стоит, как прежде, на китах.

Пластинку юзает иголка,
веками крутится винил,
а мы, как ангелы на полке
в палатке «Русский сувенир»,

сидим на стереосистеме,
мотаем долгие круги,
над нами — вой, под нами — темень,
за нами — крылья из фольги.

* * *

На заводе вод прорвало турбину,
оборот дождя громыхнул немалый,
ночью ветер шляпой хлестал рябину —
закровил асфальт от горошин алых.

И текут ручьи, далеко, незвано,
на земле туманов темно и скользко,
и ладонь цемента, как будто ванна,
принимает в лоно потоп Подольска.

Но воде не стыдно, она прилюдно
запускает ток в колесо балласта,
и плывёт по руслу асфальта судно,
то ли форд-седан, то ли опель-астра.

Можно стать рыбачкой, застыть в фарфоре,
можно любоваться своей тоскою,
только я, увы, не старик и море,
а простая женщина над рекою.

* * *

Казалось бы, июль, теплейший месяц года,
как будто сотни солнц над городом стоят,
и тучка проплыла по кромке небосвода,
и облака за ней, как выводок утят.

Соломенные дни, серебряные ночи,
от дачников трещат электропоезда, —
то сойка пролетит, то перепел проскочит,
то куполом блеснёт чужая слобода.

И любитя легко, и дышится привольно,
но там, на самом дне, в бермудской глубине
я ощущаю, как медлительно и больно
Вселенная моя рождается во мне.

Содержание

«В других мирах, в галактике, в глуши...»	3
«Отползает в сторону куда-то...»	4
«На окне засыхает фиалка...»	5
«Ты говоришь мне: страхи...»	6
«Каменных джунглей шумливый ручей...»	7
«Подойди ко мне, зверушка...»	8
«У старшеклассниц...»	9
Молоко для девочек	10
Там, где	12
«Цинерария утром озябла...»	14
«Она является в квартире...»	15
«Некогда думать о платье...»	16
«где ночью ходили тени...»	17
«Исчезновение предмета...»	18
«Осенью поздней в вечернее время...»	19
«Коснись, прохладный ветерок...»	20
«В настроении безмятежном...»	21
«Зелёное небо лежит на церквях...»	22
«Умирает природа зимой...»	23
«Вышли воздухом напиться...»	24
«В старом шарфе из белого волокна...»	25
«антибиотик показан и пропит...»	26
«В корневой системе вод...»	27
«Нас запакуют однажды с тобой...»	28
«я над землёю...»	29
«Мы шатаемся возле села...»	30
«Запределен четвёртый этаж...»	31
«Мужья навьючены коробками...»	32
«подоконники пахнут дождём...»	33
«Мертвецам не страшна непогода...»	34
«Существований первый признак...»	35
«Я помню, какой некрасивой была...»	36
«Как день неподвижен, как воздух летуч...»	37
«Склеили из плоти и духа...»	38
«Ползёт сентябрь дымком из-за угла...»	39
«Когда весенними губами...»	40

«Высокомерная, спесивая...»	41
«скушав скучного пилота...»	42
«Кисейный воздух пахнет дымом...»	43
«Кружит водомерка-недотрога...»	44
«Я эту ткань не выбирала...»	45
«Весом, энергичен, беззвучен...»	46
«Раздеты рощицы и скверы...»	47
«На заводе вод прорвало турбину...»	48
«Казалось бы, июль, теплейший месяц года...»	49

Ганна Шевченко. Обитатель перекрёстка

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

В оформлении обложки использована картина Ольги Розановой «Рабочая шкатулка» (1915)

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 23.04.2015.

Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 3,25

Тираж 500 экз.

Ганна Шевченко родилась в городе Енакиево Донецкой области. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Арион», «Октябрь», «Сибирские огни», «Интерпоэзия», в сборниках и антологиях поэзии и короткой прозы. Автор книги прозы «Подъёмные краны» (2009) и книги стихов «Домохозяйкин блюз» (2012). Живёт в Подольске.